

Брат Мурат

КРАМОЛА

Рассказы

Брат Мурат
Крамола. Рассказы

«Издательские решения»

Мурат Б.

Крамола. Рассказы / Б. Мурат — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905479-1

Каждый рассказ Брат Мурата — это откровение откровений. Иносказания, подтексты, ассоциации, тонкий гротеск, ирония, сарказм... и всё это для того, чтобы состоялось откровение. Иногда он доводит рассказы до грани анекдота, до видимости мелодрамы или пафоса, но тонкий, порой щемящий, лиризм поддерживает его блестящие словесные конструкции на весу.

ISBN 978-5-44-905479-1

© Мурат Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Было	7
Ангел	10
Вурдалаки	18
Сошлось, или Правда жизни	23
До того, как взошло солнце...	26
Паук и Облако	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Крамола Рассказы

Брат Мурат

© Брат Мурат, 2018

ISBN 978-5-4490-5479-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Север. Холодно. Сухой закон...

Не смотря на разницу в возрасте, мы с Муратом нашли общий язык очень быстро. Нас сблизила поэзия. Могу сказать, без всяких напыщенных слов: Мурат – блистательный поэт. И вдруг он приходит и приносит рукопись – рассказы. Я был немного раздосадован, ибо всегда с нетерпением ожидал его новые стихи и, конечно, был заинтригован. Зная, насколько Мурат любит экспериментировать, можно было и здесь ожидать нечто интересное. Он отдал мне рукопись и ушёл, не стал даже, по сложившейся традиции, чаёвничать со мной. Я начал читать рассказы, и был ошеломлен. И воодушевлен. Я быстро «проглотил» рукопись, оделся и пошёл к нему. Я шёл и удивлялся, что я – апологет классической прозы, который ко всяким литературным выкрутасам всегда относился с иронией и недоверием, спешил, сжимая рукопись, в полной уверенности, что в руках у меня истинная драгоценность – настоящая литература. Давать же характеристику манере письма Мурата легко и довольно затруднительно. Потому, что его творчество имеет глубинные пласты, за игрой всегда прячутся подтексты. Насколько я могу судить по его пристрастиям к творчеству таких писателей как Борис Виан, Данил Хармс, Михаил Зощенко и Кафка, все это в нем отложилось. Но, при всем этом, он основательно своеобразен и самобытен. Неожиданные ассоциации, мистика, часто низведенная до обыденности, иррациональное, конкретные голые мысли и тут их допущения, балансирующие на грани разума и безумия, для него не самоцели. Это всё – естественная часть канвы, которая лепят пространство, и не только по произволу автора, но, как бы, по потребности самих героев, делают идеи и мысли более объемными, и как ни странно, более явными. Мурат и в рассказах остается верным себе и ведёт себя как поэт. Поэзии – это мифология личности, а действие – признаки эпоса, он использует только для того, что дать «призракам» личной мифологии плоть, чтобы они могли совершать поступки и всходить на пьедестал для обозрения.

По дороге я умудрился, несмотря на сухой закон, купить бутылку коньяка: заглянул в кафе, где продавали кофе с коньяком. Заведующей была одна из наших с Муратом красивых и хороших знакомых...

Мурат мне открыл дверь и сразу же пригласил на кухню. Стол был уже заставлен яствами. Кроме всего, на столе красовалась точно такая же, как у меня, бутылка коньяка. Я удивился и спросил:

– Что это?

– Я ждал тебя, – ответил он...

Что можно ещё добавить? Разве что повториться: Это настоящая литература. Читайте, вникайте и тешьте душу.

Виктор Того, писатель, журналист.

г. Усинск. 1994 г.

Было

Жил в лесу мальчик. Он был гипсовый и вместо костей у него были железные прутья. Стоял мальчик на постаменте, задрал голову, вытянувшись, как кузнечик, который уже подпрыгнул, и завис, не зная, где ему придёт приземлиться. Когда-то в его правой руке был горн, но горн уже давно был оторван вместе с рукой. Всё остальное было при нём. Местами даже сохранилась краска: намного красной – на галстук и чёрной – на штанине. С одного бока мальчик оброс красно-зелёным мхом, а между предплечьем и шеей торчало прохудившееся, давно заброшенное птичье гнездо.

У мальчика был свой большой секрет, о котором знал лишь один старый скульптор – он доживал свои дни в сумасшедшем доме. А секрет был очень простой: у него было каменное сердце – шутка пьяного скульптора. Когда он ваял мальчика, а работал он исключительно в пьяном состоянии, добравшись до торса, вышел покурить. Вернулся с плоским, похожим на сердце камнем, вложил его в грудь и продолжил лепить дальше. А когда он закончил работать, он вскрикнул, увидев, стоящих поодаль и готовых встать на постамент, девушку с веслом и согнутого в три погибели лыжника, у которого от напряжения свело гипсовое лицо:

– Боже ж мой, да, посмотрите вы на всё это! Неужели это я сварганил такую хрень?

Пьяный скульптор обошёл девушку вокруг, хлопнул её по ягодице, потом вздохнул и, плюнув под ноги мальчику, вышел, шатаясь и матерясь. Он явно уже не чувствовал себя великим...

Вот с тех самых пор появился гипсовый мальчик в городском Парке культуры и отдыха, который со временем превратился в обычный лес.

Мальчик уже целую вечность не видел людей. Раньше здесь была аллея, которая постепенно заросла побегами ивняка и вытянувшимися вверх и вширь деревьями, надёжно упрятавшими мальчика. Вероятно, поэтому у него была отломана только одна рука, которую, кстати, отломал, тот же самый скульптор. Как-то он пришёл пьяный и долго заглядывал ему в глаза, затем с криком:

– Я тебя породил, я тебя и убью! – ударил его по руке увесистым суком, который он подобрал рядом.

Постамент, на котором он стоял, начал от сырости разрушаться. Но мальчик не унывал, он стоял днём и ночью, готовый трубить в несуществующий горн. Не любил он только птиц, но, всё же, радовался, когда они появлялись в проёмах деревьев. Доставляла ему радость и шуршание маленьких грызунов, которых было полно в лесу. Но, в основном, вокруг него сновали надоедливые насекомые. Он стоял и вспоминал долгими днями и ночами праздничные мероприятия и субботники, которые проводились на этой аллее. Но чаще всего он вспоминал день открытия аллеи и монументов. Было много людей. На устроенную, прямо в кузове грузового автомобиля, трибуну взбирались переполненные праздничным настроением люди и подолгу говорили, жестикулируя руками, выражая свой, да и всеобщий, восторг. Затем пригласили художника и вместе с ним на кузов взобрались юноша и девушка. Как оказалось, это с них вылепили его и ближайшую девушку с веслом. Им долго аплодировали. Затем заиграла музыка – люди танцевали и веселились. Праздник продолжался допоздна...

После этого к нему часто навевался тот самый юноша со своими друзьями. Девушка тоже однажды приходила. Она заявила с каким-то долговязым и длинноволосым парнем. Они долго целовались возле девушки с веслом. Потом подошли и к нему. Долговязый подобрал камушки и они, по очереди, стали кидаться в него, при каждом попадании в лоб, заливаясь смехом. Когда камушки закончились, они продолжили целоваться, затем они пропали из его обзора за постаментом. Он невольно вслушивался в их стоны, не совсем понимая, чем они занимаются за его спиной. Больше он девушку не видел. Но её изваяние стояло рядом, хотя

и смотрело всё время в сторону от него, зато он смотрел на неё неотрывно. Она была прекрасна. Ему даже казалось, что она намного красивее, той живой девушки, с которой её лепили. Он смотрел на неё и чувствовал, что его каменное сердце греется. Греется будто лежит оно на солнцепёке... И однажды он почувствовал внутри себя какое-то шевеление, затем в груди гулко застучало. Он не понимал, что с ним происходит. Вдруг слух его обострился, ему казалось, что он слышит даже шум крыльев пролетающих над ним птиц. Краски мира стали настолько яркие, что начали резать зрение... Привыкая к новым ощущениям, он вдруг понял, насколько огромен мир вокруг него. Осознание навалилось на него внезапно. До этого он об этом даже не задумывался, но сейчас чувствовал пугающую, невообразимую, бесконечную громаду мира. Появилось непонятное желание вместить весь этот мир в себя. Или же самому потеряться в нём...

Ему необходимо было заполнить этим миром нахлынувшую, такую же безграничную тоску или же перестать быть самому...

Но деревья постепенно закрыли её торс, хотя её ноги ещё долго выглядывали в просвете ветвей. И однажды во время грозы молния разломилась ближайшее дерево, оно, свалив девушку с постамента, подмяло её под себя.

Дерево уже давно превратилось в труху, но опадавшие листья похоронили под собой красивое тело девушки. Только весло, будто надгробный памятник, торчало из спрессовавшегося вороха листьев. Наконец, когда он перестал видеть её, в груди постепенно затих тот странный стук, и мир снова сузился в маленькое пространство, которое он мог обозреть.

Иногда до мальчика доносился отдалённый шум, похожий на рёв машины, но это было большой редкостью. Зато ворон было видимо-невидимо. Они облепляли верхушки деревьев, будто огромные чёрные плоды, и их гвалт прекращался только с наступления глубокой темноты.

И вот однажды появился человек. Он был в красном костюме, с расстегнутым воротником и болтающимся тёмно-коричневым галстуком.

– Бог ты мой! – пробормотал он, с изумлением рассматривая мальчика. – Надо же!

Затем, вздохнув, он засмеялся, покачал головой и, отмахиваясь от насекомых, начал, громко ругаясь, продираться обратно сквозь заросли ивняка. Во второй раз он появился не один – со своим другом.

– Вот он, – кричал человек, тыча в скульптуру пальцем, – я же тебе говорил!

– Вот это да! – восхищённо поддакивал другой. – Совсем как настоящий!

Они распили бутылку водки, чокаясь о единственную руку мальчика и расспрашивая его:

– Как дела, старик? Не скучаешь, старик? Ну, ты великолепный кич, старик, прямо мастодонт! По девочкам не соскучился?

Потом они собрали поблизости на поляне какие-то лиловые и жёлтые цветы и, привязав к обручку руки, долго хихикали. Затем, помочившись под него, ушли.

Третий раз он пришёл один и пьяный. Обхватив его ногу и, приложив голову к холодному постаменту, он шептал:

– О, Господи! Прости меня! За что мне такие муки? Мается моя душа, да и ничего другого она уже и не умеет. Выгорела она вся. Нет у меня в сердце ни доброты, ни нежности, ни хрена ничего в ней нет. Как будто камень в груди. Не могу я больше, боже, не люблю я людей, не могу я их больше видеть, не могу дышать с ними одним воздухом. Избавь меня от них, избавь меня от самого себя. О, Господи, я даже в тебя не верю! Это было бы чудовищно, если бы моя бедная душа продолжала так дальше мучиться. Господи, было бы лучше, если не было тебя. Но я боюсь, что ты есть. О, Боже, прости меня! Что мне делать, Боже?

Выплакавшись, человек ушёл. Когда он пропал из вида, в груди мальчика опять что-то зашевелилось и застучало, и он почувствовал тёплую струйку на своём лице. Капелька влаги

выкатилась из глаза, скатилась по лицу и звонко ударилась о постамент. Он понял, что пришёл тот самый мальчик, с которого его лепили...

И в последний раз он пришёл с железным прутом. Когда человек, молча, занёс над ним железный прут, пионер-горнист, хотел что-то сказать, но не смог. Он просто не умел говорить.

Человек разбил себя вдребезги и ушёл.

Черкесск. 1997 г.

Ангел

Всем народом отправляли сироту Васеньку в горы на учёбу к орлам. Он осмотрел понурых, неприветливых людей и, сожалея, что у него нет девушки, которая бы ждала его, и, не обращившись, начал подниматься в гору. Безмолвный народ стоял и глазел, пока тот не потерялся в, нависших на гору, словно брови нахмурившегося старика, облаках.

– Ни хрена там ничего интересного нет! – сказал один из толпы с глазами цвета сопель, громко шмыгая носом, и первым поплёлся домой.

– Злой ты, Пафнутий, – вслед ему крикнул Федот, но тот даже не обернулся.

– Может чему-нибудь научится и нас научит, – добавил Кондратий с надеждой в голосе и тоже ушёл.

– Ага, научится высиживать яйца, – не удержался балагур Иннокентий, друг Васеньки, но никто не рассмеялся и хмурые люди тоже стали разбредаться по домам. Только конопатая Клава, до этого прятая под елью, вышла из укрытия, высморкалась и помахала вслед Васеньки красным платочком, который она приготовила заранее.

Долго не появлялся Васенька и его стали уж забывать. Но однажды в позднее зимнее утро, пышущее от распирающей его примерной свежести, Васенька прилетел. Прилетел на своих крыльях. Все подумали сначала, что это ангел спускается с небес. Но когда белое существо, наконец, приземлилось перед толпой у продмага, Иннокентий завопил:

– Неужто Васька!

Толпа, опешив, разглядывала ангела в лице Васеньки. А Вася улыбался безбрежной улыбкой вполне счастливого человека.

– Что за хрень? – спросил Федот.

– Да Васька же! – крикнул и бросился обнимать его Иннокентий. Затем отстранившись, спросил его:

– Что это ты нацепил на спину?

– Это крылья! – ответил вполне серьёзно Вася.

– Настоящие, что ли? – опять спросил Иннокентий, от растерянности запямятовав, что тот, только что, спустился с неба.

– Конечно, – не без гордости ответил Вася. Иннокентий, ещё больше отодвинувшись, разглядывал его безупречно белые штаны и носки.

– А почему без обуви? – спросил он.

– Так я же летаю, а не хожу.

– Всё равно, они ж белые – сказал сердобольный Иннокентий. Он стянул с себя, обнажив свои дырявые носки, солдатские сапоги и протянул их Васе.

– А ты же, как? – озадачено, спросил Вася.

– А сейчас мне Людка, что-нибудь принесёт, – ответил Иннокентий, увидев, как Богдан побежал в сторону его двора.

Вася, чтобы не обидеть друга взял сапоги и обулся.

– Прикрой голое пузо, срамец, – вылетел звонкий голос Пафнутия из толпы.

– Да подожди ты, – прикрикнул на него Кондратий, ожидавший, что будет большая пьянка. Подошедший сзади, Пафнутий вырвал у Васи из крыла пёрышко.

– Ой! – вскрикнул Вася.

– И в правду! – изумлёно разглядывал, выхваченное из рук Пафнутия перо, Федот.

– Ну, конечно, он же только, что спустился с неба, – вставил Иннокентий.

– А как же ты сумел их отрастить? – спросил, самый любопытный из окружившей его толпы.

– А они у меня сами выросли.

– Во, даёт! – воскликнул Иннокентий.

По улице бежала с развевающимся красным платком Клава. Всё, молча, смотрели в её сторону.

– Она тебя ждала! – тихо прошептал Васе Иннокентий.

– Ждала, – подтвердил, жадно ухмыляясь, Пафнутий.

– Ждала? – удивился Вася.

Клава остановилась перед расступившейся толпой.

– Здравствуй, Клава! – произнёс стусевавшийся Вася. Иннокентий подтолкнул его и он, подойдя к ней, неуклюже, обнял.

– Я знала, что ты вернёшься, – тихо произнесла она.

– Ну, что ребята? – в азарте закричал Кондратий, – У нас сегодня праздник, али как?

– Это надо отметить, – радостно и единогласно согласилась толпа.

Появилась жена Иннокентия Людмила с парой сапог для мужа.

– Здравствуй, Вася, сказала она, – как будто они только, что вчера расстались и протянула мужу сапоги.

– Простудишься, – сказала она.

Иннокентий обулся и спросил окружающих:

– Ну, что?

– Скидывайтесь, у кого сколько, – предложил Кондратий и пошёл по кругу, протягивая свою шапку.

– Кто не добавляет, тот не пьёт – во всеуслышание выкрикнул Пафнутий и, демонстративно порывшись за пазухой, кинул в шапку несколько купюр.

Вскоре толпа разделилась на две части, те у которых нашлись деньги, и те, у кого их не было. Неимущая группа встала в стороне, и угрюмо следило за счастливыми. Наконец, Кондратий пересчитал наличность и они двинулись к продмагу. На пороге магазина толпу встретила продавщица Люська, которую выгнало на улицу собственное любопытство, всё ещё держащая её в напряжении. Когда люди приблизились, она, вглядываясь в полуголового мужика, спросила:

– А это, что за клоунада?

– Присоединяйся, будешь клоунихой, – пошутил Иннокентий. Но Люська, занятая пристальным разглядыванием торса Васьки, пропустила шутку мимо ушей.

– Васька, боже мой, это ты что ли? – театрально всплеснула она руками, узнав своего одноклассника.

– Здравствуй, Люся, – ответил Вася, явно смущаясь её. В это время Клава подобралась к Васе и взяла его под руку.

– Давай, давай, что держишь людей на пороге? – подталкивая вперёд себя Люську, прошёл в магазин Кондратий.

Отоварившиеся покупатели уже собирались уходить, как Люська, которая всё время растеряно улыбалась Ваське, всплеснула руками, стянула с себя телогрейку, оббежала прилавок и накинула его на Васю и проводила до крыльца магазина. Клава, немного шокированная несвойственным для Люськи душевным порывом, ненавязчиво, проскользнув, встала между Люськой и Васей.

Когда компания вышла из продмага, Иннокентий предложил:

– Пожалуйста к нам в избу.

– Я долгое время жил среди людей-орлов, они ещё называют себя детьми солнца. Орлы меня многому научили, – рассказывал Вася, разглядывая ещё не оправившиеся от растерянности лица земляков.

– А пить ты не разучился? – перебил его Кондратий, и предложил тост: – Давайте выпьем за возвращение!

Выпили и закусили. Только Васька не торопился пить. Он держал в руках стакан с водкой и заглядывал в него, будто выискивая в глубокой пропасти упавшую туда маленькую золотую монетку, в виде давно забытого удовольствия.

– А ты чего? – спросил Кондратий. Васька пожал плечами.

– Давай! Пей! – раздалось с разных сторон. Васька зажмурился и выпил залпом и ему быстро протянули закуску.

Когда Васька отдышался, Пафнутий нетерпеливо спросил его:

– И чему же они тебя научили?

– А ты можешь, например, из простой воды сделать водку? – уповая на чудеса, перебил их снова Кондратий.

– Нет, он может из водки сделать простую воду! – вставил балагур Иннокентий. Раздался смех.

– И чему они тебя научили? – повторил свой вопрос Пафнутий.

– Они дали мне знания о совести, – перестав жевать, ответил Вася. Наступила тишина.

– Так они, эти люди, орлы или ангелы? – вставил свой вопрос Федот.

– Есть белые и чёрные орлы. Белые люди-орлы являются ангелами, а чёрные – агелами.

– И чему они тебя всё-таки научили? – упрямо повторил Пафнутий.

– Что такое мораль. Или что такое нравственность.

– Ну, просвети нас тёмных, что же такое мораль? – не без ехидства попросил Пафнутий.

– Очень просто – Мораль приходит снаружи, а нравственность изнутри. Поэтому, Мораль – это договор между людьми, а нравственность – между человеком и Богом. Мораль имеет основу – стыд, а нравственность – совесть. Но стыд не связан с душой, это скорее обязанность, для некоторых – ноша. Если коротко, человек, который руководствуется стыдом, может зайти за угол, где его не увидят те, с которыми он заключил договор, и сотворить нечто такое, что не вписывается в этот договор. Ибо они руководствуются чужим мнением о себе, это в лучшем случае. То есть, он может и не обладать стыдом, а только делать вид. Совесть же всегда с тобой, даже если ты заходишь за угол, ибо совесть есть стыд перед самим собой и Богом. Но это врождённое чувство. Белые орлы – это существа с совестью. Чёрные у них всё время что-то крадут, перенимают и присваивают, но это не идёт впрок, так как они остаются чёрными. Человек без совести – это не человек, а только подобие его – так считают белые орлы.

– А ты сам видел чёрных орлов? – спросил, до сих пор молчавший, Богдан.

– Видел, – утвердительно ответил Вася.

– И как они выглядят? – спросил Кондрат, разливая водку.

– Обычно выглядят. Только чёрные и крылья у них чёрные. Просто они не умеют летать.

– Не умеют? – удивился Богдан.

– Ну, некоторые, всё-таки, летают, – успокоил его Вася.

– Значит и среди них есть хорошие? – обрадовано улыбнулся Богдан.

– Понимаете, – сказал Вася, – не всё однозначно. И среди белых, тоже, бывают делающие вид, что у них есть совесть. Но другие белые орлы не считают их ангелами. Но и среди чёрных орлов тоже есть орлы, у которых есть совесть и они умеют летать. Но таких – единицы. Белые орлы их считают ангелами, не смотря на то, что они чёрные. Они и к обычным людям относятся точно также, если у людей есть совесть, они считают их своими братьями и помогают им обрести крылья.

– Здорово! – отозвался Богдан.

– И ты вернулся, к нам, людям без стыда и совести, чтобы научить нас жить как должно? – вставил Пафнутий. Наступила неловкая тишина.

– И, всё-таки, зачем ты к нам пожаловал? – не унимаясь, допытывался Пафнутий.

– Не пожаловал, а вернулся, – поправил его Иннокентий.
– Мы же сами послали его в гору! – вставил в защиту Васи Кондратий. Наступила тишина. Все ждали ответа Васи.

- Я хочу вас научить летать! – наконец, признался Вася.
- Правда?! – всплеснув руками, обрадовано воскликнул Богдан.
- Так у нас же нет крыльев, – удивился Федот.
- Так у него же тоже их не было, – вступился за Васю Богдан.
- А я всю жизнь хотел летать! – мечтательно вздохнул Иннокентий.
- И как скоро ты нас научишь? – спросил Богдан.
- Посмотрим, – ответил Вася.
- Только ты нас первыми научи, – попросил Иннокентий.
- Ну, конечно, – ответил, радостно ему улыбаясь, Василий.
- Я смотрю, вы не только летать, но и высиживать яйца готовы, – съязвил Пафнутий.
- Давайте за встречу! – предложил Кондратий, чтобы разрядить обстановку.
- За встречу уже пили! – огрызнулся Пафнутий.
- А давайте выпьем за любовь! – раздался женский голос.

В середине изба стояли Людмила и Клава. Они ещё не успели раздеться. Клава в руках держала большой бутыл.

– Ого, самогон притаранили! – обрадовано подбежал к ним Кондратий, взял у Клавы бутыл и, налив им из бутылки, передал стаканы.

- Ну, что: «За любовь?» – повторила свой тост Людмила в виде вопроса.
- За любовь! – поддержали её гости.

Утром Вася проснулся с похмельной головой. Тело казалось налито свинцом, в затылке висела тупая боль, сердце жалобно трепыхалось в груди, даже дышать было тяжело. Рядом лежала Клава, уткнувшись в его плечо. Он не мог ничего припомнить. Приподнял простыню – они оба были голые.

Усилия, затраченные на то, чтобы хоть что-то вспомнить, ещё больше ухудшили его состояние. Дверь скрипнула, немного отворилась и, сквозь щель, он услышал голос Иннокентия:

- Васька, ты спишь?
- Нет, – с трудом выговорил он.
- Давай выходи, – позвал его Иннокентий.

Вася высвободил руку, затем крыло, с трудом одев брюки, поплёлся к Иннокентию.

Иннокентий сидел за столом в одних полосатых, как каторжная роба, трусах. Он, сжавшись и обхватив себя руками, в нетерпении поглядывал в его сторону.

– Васька, – сказал он, показывая на наполненные до краёв стаканы, с мольбой в голосе, – я тут налил воды, сделай из них, пожалуйста, самогон.

Васька, опешив, смотрел на него.

– Как это? – спросил он.

– Ну, ты же вчера, когда водяра и самогон закончились, воду из колодца превратил в водку.

– Не знаю, – сказал Вася, – никогда не пробовал.

– Как не пробовал, вчера же делал!

– Попробую, – сказал Вася и взял стаканы в руки. Затем понюхал содержимое и, поморщившись, поставил на стол. Иннокентий взял стакан, тоже принюхался и обрадовано приподнял стакан:

– Ну, давай!

– Нет, я не хочу, – с дрожью в голосе ответил Вася.

– С неба упал что ли? – протянул ему стакан Иннокентий. – Ты, что позабыл, как надо лечиться? Сразу же полегчает.

Вася взял стакан. Иннокентий, даже не поморщившись, выпил содержимое стакана залпом.

– Не могу, – сказал Вася.

– А ты через «не могу» – с трудом выговаривая слова, настаивал Иннокентий.

Вася зажмурился и выпил. Действительно, Василий почувствовал, что через минуту душевное и телесные недомогания отпустили его.

– Между первой и второй перерывчик небольшой! – сказал Иннокентий и снова налил в стаканы воду из чайника. Не успел Вася превратить воду в самогон, как дверь отворилась и на пороге появились Кондратий с Пафнутием. Увидев их, Иннокентий налил ещё два стакана воды. Василий прикоснулся по очереди ко всем стаканам.

– Ну, что стоите? – пригласил Иннокентий, наблюдавших за Василием, Пафнутия и Кондратия.

– Ну, что – точно водка? – спросил Кондратий.

– Нет, – ответил Иннокентий, – самогон!

– Слава Богу, – обрадовался Кондратий, – а то показалось с похмелья, что мне всё это вчера почудилось.

Первым подошёл Пафнутий. Он понюхал и выпил содержимое стакана. Остальные последовали примеру Пафнутия.

Вскоре появились Людмила и Клава. Их тоже усадили за стол. Клава сияла и смотрела на Васю с обожанием. Она всё время шушукалась с Людмилой, которая тоже изредка с любопытством поглядывала на него.

Выпили всё, что было в чайнике. Когда появились Федот с Богданом, Иннокентий принёс ведро с колодезной водой.

Веселие было в разгаре. Клава и Люда спели весёлую деревенскую песню, в котором упоминались жители соседней деревни. Все смеялись. Один только Пафнутий всё более мрачнел. Вскоре его потянуло на философские беседы. Уличив паузу во всеобщем веселье, он спросил:

– А, что, по-вашему, есть человек?

– Человек – есть наполненное время, – задорно ответил ему, изрядно повеселевший, Вася. – Человек рождается, чтобы стать человеком. Всё накапливается в этом мире, крупинку к крупинке: и богатство, и знание, и духовность, только жизнь расходуется. Потерянное время невосвратимо.

– Давайте выпьем за это! – предложил Кондрат.

– За что? – спросил Пафнутий.

– Как за что? За Человека! – поднял свой стакан Кондратий.

Пафнутий подождал пока выпьют все и сказал:

– А я знаю, что такое человек!

– И что же такое человек? – полюбопытствовал Богдан

– Человек есть живой механизм для производства дерьма! – сказал Пафнутий, выдохнул и опорожнил содержимое стакана себе в широко разинутый рот.

– Ну да, потом и сам же превращается в удобрение! – пошутил Кондратий, привыкший смазывать неприятные ситуации, которые создавал Пафнутий.

– Злой ты! – вставил Федот.

– Правда всегда неприглядна! – огрызнулся Пафнутий.

– В духовном мире одно тянется к другому в силу одинаковости. Что позовёшь то и придёт, – адресуя слова Пафнутию, ответил Вася. – Испытывая злость, вы приглашаете в свою жизнь зло.

– Болван ты! – разозлился Пафнутий.

– Он пришёл и сказал: «Выбирайте на чьей вы стороне. И они ответили хулой. Вы выбрали, – сказал Он», – как бы про себя тихо произнёс Вася и добавил:

– Я тебя ни в чём не неволю. Выбираешь ты и ты отвечаешь за свой выбор.

– Я выбираю самогон! – вставил Кондратий.

Выпили и закусили.

Богдан зашевелился, барабанил пальцами по столу, произнёс не то вопрос, не то утверждение:

– Если они ангелы, они же должны напрямую общаться с Богом.

– Они по-другому воспринимают Бога. Они считают, что Бог есть то, что соединяет этот мир и предохраняет от распада. То есть – Бог во всём! Они говорят: «Мир живое существо, ибо это тоже есть часть Бога и сам Бог. Но не обожествляй его, ибо он не есть весь Бог, а только часть его, а старайся жить с ним в мире и согласии». Ещё они говорят: «Бог есть совесть. Не имеющий её – только подобие человеческое»

– По каким заповедям они живут? – снова спросил Богдан.

– Главная заповедь: «Возлюби в себе Бога и себя в Боге. Возлюби ближнего своего как самого себя в боге твоём, тогда и дальний приблизится к тебе, чтобы узреть твоего Бога».

– Существовать может только один реальный Бог. Этот Бог есть – Смерть. – вставил Пафнутий, который смотрел на свою руку, держащий пустой стакан, будто сомневался в том, что это действительно его рука.

Когда к вечеру оказалось, что весь самогон в ведре уже выпит, они вышли всей толпой и Вася превратил дождевую воду в железном баке под сливом – в самогон...

Утром Вася проснулся опять с похмельной головой. Казалось, что душа трепыхается на тоненькой ниточке. Жажда сковала горло. Откуда-то со стороны вполне здоровый дух наблюдал за страданиями измученного тела. Но временами его сковывала тяжёлая мучительная борьба тела за свою жизнь и принимал на себя удар боли. Но он вдруг почувствовал прикосновение чужого горячего тела. «Клава» – подумал он, но на своём плече он увидел не рыжие Клавины волосы, а волосы цвета спелой ржи. Он закрыл глаза и начал вспоминать – у кого же волосы такого цвета. У Люды – осенило его. Он открыл глаза и посмотрел на женщину, которая лежала рядом. Сомнений не было – это была Людмила – жена Иннокентия. Кровь прилила к лицу. Он перестал дышать и снова закрыл глаза. Он услышал, как открывается дверь. Зашёл Иннокентий.

– Сука, что ты здесь делаешь? – пошатываясь и по—гусиному шипя, спросил он.

– Не кричи, – вполне спокойно произнесла Люда.

– А ну, выползай оттуда, сука, а то приблю!

– Ты полегче, – села Люда, – я, думаешь, не знаю, что ты кувыркаешься с Клавой. Она ведь мне всё рассказывала.

– Да кому ты, дура, веришь? – начал оправдываться Иннокентий.

– Значит я – дура, а ты – умник! – с иронией спросила Люда, затем, приходя в ярость, тоже зашипела: – А хочешь, я тебе повторю слова, которые ей шептал на ушко?

– Да она ж сама на всех кидается. Она, между прочим, сейчас, наверное, с Пафнутием, – сказал он, затем примирительно позвал, – Ладно, давай выходи. Люда повиновалась и они вышли из комнаты.

Минут через пять в комнату забежал Иннокентий и, негодуя, произнёс:

– Сволочи, за ночь всю бочку вылакали! – и затем позвал за собой Васю: – Давай, вставай, Вася, надо опохмелиться, пока не издохли.

Пока Вася оделся и вышел из спальни, Иннокентий уже принёс ведро колодезной воды. Иннокентий налил воду в стаканы и Вася к ним прикоснулся. Они, молча, выпили. Иннокентий заметив, что Вася прячет взгляд, произнёс:

– Она сказала, что у вас ничего не было.

– Не было, – ответил, смущаясь, Вася.

– Да я тебя не виню, это она решила мне таким образом отомстить.

– А с Клавой как же? – спросил, не поднимая головы, Вася. – Ты же сказал, что она меня ждала?

– Она и в правду тебя ждала. Она ведь всех с кем спит, забывается и называет Васей или Васенькой. – ответил виновато Иннокентий.

Наступила тишина. Иннокентий хотел зачерпнуть из ведра, потом махнул рукой и сказал:

– Давай уж сразу всё ведро превращай!

Не успел Вася прикоснуться к ведру, как они услышала рёв трактора. Иннокентий выглянул в окно и возбуждённо вскрикнул:

– Вот черти!

На улице стоял трактор с цистерной. Трактор заглох и из него выползли Богдан, Федот и Кондратий.

Вася проснулся от жажды, открыл глаза и не смог понять, где находится. Подслеповатая засиженная мухами лампа на чёрном изогнутом проводе одиноко висела на потолке. Вокруг стояли какие-то картонные коробки разных размеров. Спиной к нему, свернувшись калачиком, лежало тело. Голова Иннокентия упиралась об потёртый и засаленный подлокотник раздвижного дивана. Пахло пылью. Когда он попробовал принять нормальное положение, рядом лежащее женское тело повернулось к нему и положило руку на его грудь. Это была продавщица Люська. Вася даже не удивился, ибо был слишком занят собой – его подташнивало. Он обозвал себя идиотом и начал медленно приподниматься. Люська проснулась и спросила:

– Что с тобой?

– Что-то нехорошо, – пролепетал Вася.

– Подожди, – сказала она и выскользнула из-под тонкого одеяла.

Вскоре она появилась с бутылкой нарзана в руке. Она подняла стакан со стоящего неподалёку журнального столика, налила нарзан и подала Васе. Вася послушно взял стакан, глотнул его содержимое и сразу же выплюнул. В стакане была водка.

– Ты с ума сошла! – сказал Иннокентий, сунул обратно Люське стакан и откинулся на спину, больно ударившись головой о подлокотник.

– Бедненький, – посочувствовала ему Люська, – Я совсем забыла, что ты вчера весь нарзан превратил в водку.

Вдруг раздался глухой удар, и послышались голоса.

– Кажется, в дверь стучатся, – сказала Люся и, на ходу одеваясь, выскочила из подсобки. Через несколько минут она возвратилась и удивлённо сказала:

– Они просят тебя!

– Кто они?

– Их много, – заговорила Люся, – может ты уйдёшь через задний выход.

Люська встала на деревянный ящик, который стоял у зарешёченного маленького окна, и выглянула.

– Они и там стоят! – с тревогой в голосе сказала она, соскакивая с ящика.

Вася с трудом встал и оделся. Он улыбнулся сквозь силу Люсе и сказал ей:

– Я хочу тебе, Люся, сказать, что ты мне всегда нравилась.

– Я знаю, – призналась она и, обняв, прижалась к нему, будто желая спрятаться в его объятиях.

Вновь послышался глухой удар в дверь.

– Почему-то мне тревожно, может быть, не открывать дверь? – спросила она.

– Я выйду к ним, – сказал он твёрдо, стараясь приободрить её, – Не бойся, ничего не будет.

Люся отворила дверь продмага и Вася шагнул навстречу толпе. Люди стояли с ведрами полными воды.

– Слушай, тут народ страдает, только ты можешь помочь, – показывая на хмурых людей, страдающих от похмелья, сказал, стоящий впереди толпы, Кондратий.

– Я не буду больше превращать воду, – разглядывая толпу, сказал Вася. Впереди толпы стояли Иннокентий и Кондратий. За ними маячили, улыбаясь ему, Богдан и Федот, в отличие от толпы, на лице которого была злая гримаса неудовлетворенности.

Поодаль толпы стояли Люда и Клава.

– Да ты что, Вася, тебе же это ничего не стоит! – растерянно сказал Иннокентий, который был инициатором похода магазин, когда к утру к нему заявила толпа. Он-то знал, что Вася отправился к Люське.

– Слушай ты, пророк хренов, тебя народ просит, – сказал, надвигаясь, Кондратий. Он поставил перед ним ведро с водой.

– Я уже сказал, – стоял на своём Вася.

– Ах, ты ж сука, – закричал Кондратий и размахнулся и кинулся к нему. Но Вася успел ткнуть ведро с водой ногой. Кондратий споткнулся о ведро и упал. Но он быстро вскочил и кинулся на Васю с кулаками.

– Бей его, – услышал, и почувствовал удар в спину. Толпа накинулась на Васю. Люся крикнула и полезла в толпу, но тут же выскочила из толпы и упала. И вдруг она услышала крик. На толпу с криком и вилами наперевес бежал Пафнутий. Толпа расступилась и Пафнутий очутился перед лежащим Васей.

– Петух ты Гамбургский, а не ангел! – сказал, пряча кривую пьяную ухмылку в лохмотья жидких усов Пафнутий и воткнув ему вилы в бок.

– Идиоты, – завопила Люська, – берите в магазине нарзан, он весь нарзан превратил в водку. Но люди стояли как вкопанные.

– Смотрите, – закричал Иннокентий, показывая на небо. С неба спускались двое бело-снежных людей-орлов. Толпа отступила от Васи. Орлы приземлились. Они сурово оглядели толпу, взяли Васю, истекающего кровью, за предплечья и поднялись вместе с ним в небо.

Черкесск. 2010 г.

Вурдалаки

Ночь была похожа на наивную юную невесту, которая от счастья на минутку закрыла глаза. На небе висели огромные, необычайно яркие, переливающиеся, будто любовно почищенные к празднику медали, большие звезды. В дверь Суздальского постучали двое вурдалаков. Один их вурдалаков, худой и длинный, был одет в чёрную кожаную тужурку красного комиссара, на другом, упитанном и мордастом, была выцветшая форма сотрудника ОГПУ. Суздальский открыл дверь и опешил.

– Здравствуйте, вы Иван Васильевич Суздальский? – спросил упитанный.

– Да, собственной персоной. Чем могу служить?

– Вы должны последовать с нами! – коротко объяснил комиссар.

– С какой стати? – начал ерепениться Суздальский, но мгновенно, получив кулаком в лоб от долговязого, влетел обратно в прихожую. Вурдалаки вошли и прикрыли за собой дверь.

– По какому праву? – почёсывая ушибленный лоб, не желая показывать своего испуга, всё тем же тоном спросил Суздальский.

– Вот приказ, – протянул ему бумажку сотрудник ОГПУ.

– Что за приказ? – удивлёно, глядя в караули, спросил Суздальский.

– Приказ о расстреле, – ухмыляясь, объяснил долговязый комиссар.

– Приказ подписала ваша жена, – внёс ясность другой вурдалак.

– Какое имеет право моя жена подписывать подобные приказы? – не унимался Суздальский.

– По праву вашей жены! – парировал комиссар.

– Узнаёте её подпись? – ткнул ему в лицо бумажку сотрудник ОГПУ.

– Не имеете право! – входя в раж истерики, крикнул Суздальский.

– Кончай зудеть, одевайся, – пресёк его скулёж комиссар.

– Вы не волнуйтесь, – соорудил гримасу похожую на улыбку вурдалак в форме сотрудника ОГПУ. – Мы разберёмся.

– Разберётесь? – с надеждой спросил Суздальский.

– Этот приказ для нас не указ, – сказал сотрудник и спрятал бумажку в нагрудный карман. – Разберёмся, а там решим, что с тобой делать. К стенке, али как?

Суздальский, судорожно одеваясь, прикидывал способ побега... Натянув сапоги, не разгибаясь, он боднул головой комиссара и кинулся к двери. Благо дверь не была закрыта на замок, и он выскочил, и, стремглав, побежал по улице. Добежав до поворота, он остановился, повернулся и согнулся, чтобы перевести дыхание. За ним не было погони.

– Ну, что набегался? – он услышал голос за спиной и получил пинок под зад. Суздальский упал и носом проехался по жирной глине. Повернувшись, он увидел над собой комиссара и гэпеушника.

– Вставай и потопали, – процедил сквозь зубы комиссар. – И не вздумай, контра, ещё раз что-либо подобное выкинуть.

В течение всего пути к кладбищу, Суздальский покорно двигался за сотрудником ОГПУ, за ним шёл комиссар, временами, понукая его окриком похожим на кашель. Когда подошли к кладбищу, сотрудник ОГПУ остановился около канализационного люка, осмотрелся, затем без натуги поднял и отодвинул крышку люка. Ещё раз осмотревшись, он исчез в люке.

– Лезь, – услышал за спиной Суздальский и он покорно окунулся в тёмный колодец...

Он абсолютно ничего не различал в темноте и шёл на топот идущего впереди. Сначала под ногами хлопала вонючая жижа. Но вскоре запахло сырым земляным погребом. Затем он почувствовал, что пол выровнялся, вдали показался тусклый огонёк, который оказался вблизи

огнём старомодного факела. Шедший впереди, открыл дверь со скрипом, и они вошли в освещённое электричеством длинное помещение.

За столом сидел огромный, тучный вурдалак. Крупная, краснощёкая лысая голова высилась над бочкообразным туловищем, упакованным в безукоризненный, шоколадного цвета костюм. Красный галстук, подвязывая воротник рубашки телесного цвета, хищно впивался в его бычью шею. Рядом с ним стоял, потупившись, тощий высокий тип в жёлтом несуразном костюме.

– Поднимите мне веки, – проурчал вурдалак.

Тощий тип, оживившись, осторожно приподнял ему веки.

Вурдалак посмотрел на Суздальского огромными глазами с белёсыми зрачками в паутине красных прожилок и забулькал.

– Мелкий пакостник, – сказал он, ухмыляясь, и скомандовал: – товарищ Жора, отведите его к Рильке.

Гэпеушник поднял Суздальского за шиворот и подтолкнул к открывшейся двери.

Узкий длинный коридор, по которому они шли, был обвешен, подписанными внизу мелким, но вполне разборчивым шрифтом, портретами разных особ. Мельком он заметил портрет Бабы Яги, ... Гитлера, Новохудносера, Ленина, Ваньку Грозного в обнимку с Малютой Скуратовым, Сталина, Джека Потрошителя... и других душегубов разных мастей.

Коридор показался Суздальского бесконечным. Наконец, сопровождавший его гэпеушник скомандовал:

– Стой.

Они остановились возле двери, на которой было написано: «Отдел кадров».

– К стене, – скомандовал гэпеушник и открыл дверь.

– Вперед.

Суздальский очутился в светлой комнате. В глаза бил свет, и он не сразу смог оценить обстановку. Вскоре он заметил чёрное пятно перед собой.

– Рильке, к тебе тут ещё один мелкий пакостник! – сказал гэпеушник Жора.

– Пакостных и так достаточно, столько крупной дичи вокруг, а вы всякую мелочь тащите, – отсчитал его Рильке. – Он прошёл процедуру?

– Нет.

– Тогда почему вы его ко мне привели?

– Приказали.

– Приказали! – передразнил гэпеушника Рильке. – На процедуру его.

– Чёртовы бюрократы, – в сердцах выпалил гэпеушник и подтолкнул Суздальского обратно к двери. – Пошли.

В процедурной сидели две ведьмы-старушки, одна длинноногая и с усиками над сморщенными губами, другая – круглоголовая и одутловатая. Ведьма с усиками потребовала сопроводительные документы. Жора подал бумагу, которую до этого он показывал Суздальскому.

– Ага, – сказала с усиками, – Эмка подсуетилась.

– Вы знаете Эмму? – удивленно спросил Суздальский, услышав имя жены.

– Молчать! – одернул его гэпеушник.

– Эмму все знают! – сказала другая старушка, не обращая внимания на грозный вид Жоры.

– Она член общественного совета, – объяснила длинноногая.

– Что с ним делать? – спросил гэпеушник.

– Как что? – ухмыльнулась длинноногая. – Здесь же есть резолюция Эмки – Расстрелять!

– Без суда? – удивился Жора.

– А мы никогда не расстреливали без суда и следствия? – спросила ехидно одутловатая.

– Я могу его шлёпнуть прямо здесь, – не сдавался гэпеушник, – но есть же форма.

– Формалист, – сказала длинноногая и, обращаясь к Судальскому, спросила: – Имя, фамилия?

– Иван Васильевич Суздальский, – безвольно и обреченно ответил пленник.

Длинноногая встала, подошла к стене, которая состояла из одних выдвижных ящиков. Ящик с буквой «С» поддался легко. Она, покопавшись в ней, вытащила увесистую папку с надписью – «Иван Васильевич Суздальский».

Полистав папку, она хихикнула, посмотрела на него и сказала:

– Ну, ты и гавнюк!

Она протянула папку гэпеушнику и радостно сказала:

– Тащи малахольного в тройку.

Тройка заседала в просторном зале. Дубовый паркет, дубовые панели стен, дубовая мебель придавали тяжеловесность троим судьям, восседавшим за дубовым столом на дубовых тронах. Гэпеушник посадил подсудимого на жиденькую табуретку, стоящую напротив судей.

Один из сидящих за дубовым столом представил себя и своих коллег:

– Я Николай Органов, председатель тройки, депутат. Справа – Рудольф Хёсс, комендант. Слева – генерал Серхио Арельяно, командир отряда Народного фронта.

Гэпеушник положил на стол перед председателем дело Суздальского, а сверху приказ о его расстреле.

Николай Органов, прочитал бумажку и отложил её в сторону, и, пододвинув к себе пухлое дело Суздальского, полистал его. Открыв в нужном месте, сказал:

– Так! Значит, муж Эмки! – он поднял глаза и, оценивающе, посмотрел на Суздальского.

– Последняя показательная пакость, – продолжил Органов, листая дело, и добавил, – переполнившая чашу терпения жены.

– Угу, – сказал он и стал читать. – Жена уехала в санаторий, такого-то числа. На третий день она подвернула ногу. Идёт диагноз, – пролистал несколько страниц. – Суздальский, узнав о происшествии, срочно позвонил по телефону всем знакомым, на жалости и порядочности которых можно было сыграть, и объявил, что его жена сломала ногу, и что нужна срочная дорогостоящая операция. Далее идёт список облапошенных, – перелистал несколько страниц. – Он по несколько раз перезванивал потенциальным лохам. Когда клиент созрел, сам приходил за деньгами. Собрал сумму в размере 248 тыс. рублей.

– Ого, – сказал Рудольф Хёсс. – И куда он дел деньги?

– Пропил. Посетил семь ресторанов: Европа, Ривьера, Маруся, У Васи, Монблан, Дудка и Берекет.

Посетил четыре сауны, список, далее... и совокуплялся с проститутками: Настей, Вилкой, Фаридой и Африканской Чукчой. Всё они наши агенты. Оставшееся спрятал в нычке – под нижним выдвижным ящиком прикроватной тумбочки.

Услышав о нычке, Суздальский встрепнулся, но не посмел ничего сказать.

– Донёс Эмке тоже наш агент... по кличке «Пук»

– Наверное, Эмма была вне себя, когда узнала, что он втихаря от неё потратил эти деньги.

– Коже понятно, раз подписала эту бумажку.

– Расстрелять! – вмешался генерал Серхио.

– Лучше на кол, – не поддержал его Рудольф.

– Трое против одного! – радостно воскликнул Органов.

– Почему трое? – приготовился спорить азартный Рудольф.

– Потому, что я и Серхио за расстрел.

– Ну, а третий кто? – не понял Рудольф Хёсс.

– Так Эмка же! – объяснил Органов и все трое громко засмеялись.

– Ваша взяла, – согласился, наконец, Рудольф, – но следующего посадим на кол.

Органов схватил деревянный молоток и, ударив о брус, изрёк торжественно:

– Расстрелять! – помолчав немного, добавил, – К чёртовой матери!

– К чёртовой матери! – повторили, как заученную мантру, остальные члены тройки.

Суздальский, заслушав приговор, вскочил и смачно выругался. В ответ зазвучал веселый квартет демонического смеха.

Исполнения приговора Суздальский дожидался в одиночке. Шокированный предстоящей экзекуцией, он лежал на полу, уставившись на черное пятно на потолке камеры. Вдруг железная дверь зашевелилась, скрипнула и отворилась. На пороге стояли двое. Одного он знал – это был красный комиссар. Другой, с солдатской выправкой и с сияющей улыбкой на свежесбритом лице, излучал самонадеянность. Он был в белоснежном костюме, в руках держал чёрную кожаную папку. Визитёр шагнул вперед, и комиссар прикрыл за ним дверь.

– Здравствуйте, дорогой Иван Васильевич! – сказал он, будто желая его немедленно обнять.

Суздальский, готовый любое изменение вокруг воспринимать как спасительный знак, кротко заглядывая в глаза визитёра, поднялся с пола.

– Меня зовут Владимир Владимирович Хлудов, – сказал вошедший и почесал горло. В эту минуту, его улыбка стала кривой и неестественной, отчего в душе Суздальского начала угасать надежда. Он, молча и понуро, смотрел на Хлудова.

– Вы не хотите написать завещание? – услышал он снова голос Хлудова. Суздальский, наконец, потеряв последнюю надежду, присел на корточки.

– Ты можешь перед смертью принять ванную! – Все тем же неунывающим бодрым голосом, перейдя на ты, предложил Хлудов. – У тебя всё лицо перепачкано, да и одежда вся в грязи. Кстати, тебе положено новое бельё.

Суздальский молчал.

Хлудов сел на единственную табуретку, вделанную в пол, и положил на колени кожаную папку.

– Перестаньте дуться! – призвал Хлудов.

Суздальский молчал.

– Мы судим тех, кто грешит.

– И удовлетворяете страсть к насилию? – наконец, Суздальский присоединился к разговору.

– Да, мы соблазняем, а потом наказываем.

– То есть, вы есть ассенизаторы!

– Не только. Нам, конечно, дано право творить всякое худо и дерьмо. Но зло творить безнаказанно может только один из нас. И тот, кто перешел на нашу сторону и сотрудничает с нами, подписав, конечно, контракт. Вы тоже можете стать нашим агентом.

Суздальский встал.

– Что вы сказали? – ухватился он за соломинку.

– Да! Тебе не послышалось. Ты тоже можешь стать нашим секретным сотрудником.

– Сексотом?

– Можно и секс ботом! Лишь бы делу на пользу.

– Какому делу?

– Перестань придуриваться, едрит, – сказал, делая вид, что у него кончается терпение, Хлудов. Он достал из папки лист бумаги и ручку, и протянул Суздальскому:

– Ну, что будем подписывать?

Суздальский взял ручку и, рассматривая её, спросил:

– Кровью что ли?

– Какой, на хрен, кровью? Обычная ручка.

Суздальский расписался.

Суздальский бежал во весь опор. Он остановился и осмотрелся. Никто не преследовал его. Правда, люди обращали на него внимание, и ему почудилось, что они обо всём догадываются. Но потом он понял, что он весь в грязи. Попробовал отряхнуться. Не получилось. Сел на скамейку, решив обдумать свои дальнейшие действия.

«Надо бежать из этого города», – пронеслось у него в голове.

К нему подошёл молодой человек и попросил прикурить сигарету. Суздальский сказал, что у него нет спичек. Молодой человек наклонился и прошептал:

– Не вздумайте бежать из города. Наши везде.

Он выбросил сигарету в урну и пошёл своей дорогой.

Суздальский встал и побрёл домой.

У подъезда он ещё раз огляделся, но не заметил ничего подозрительного.

С ним поздоровались две милые старушки, сидящие на скамейке у подъезда. Одна из старушек, длинноногая, с усиками над сморщенными губами, улыбнулась ему как доброму знакомому, другая – круглоголовой и одутловатой недовольно посмотрела на него.

Черкесск. 2000 г.

Сошлось, или Правда жизни

– Ты меня уважаешь? – спросил достопочтимый прапорщик Дмитрий Анатольевич Уздечкин, по прозвищу Сундучок, как можно убедительнее, стараясь выговаривать звуки членораздельно.

– Нет, я тебя не уважаю! – неунывающим бодрым голосом без обиняков ответил капитан в отставке Владимир Владимирович Хлудов.

– А почему? – удивлёно и обижено спросил Уздечкин.

– А я, Митя, никого не уважаю, – чистосердечно и вполне обыденно признался Хлудов.

– Даже самого себя? – стараясь поймать на лжи капитана, снова спросил Уздечкин.

– Себя – в первую очередь, – ничуть не смущаясь, ответил Хлудов.

– Как так можно? – задал риторический вопрос Уздечкин.

– Не как, а почему? – поправил его Хлудов.

– Хорошо: Почему? – поправился Сундучок.

– Потому, что у меня нет души! Во как! – развёл руками Хлудов.

– Тогда скажи-ка мне, Владимир Владимирович, в чем ваша правда? – не унимался Хре-

ков

– Правды нет, Дмитрий Анатольевич, ибо она недоступна человеку, поэтому есть только одни заблуждения! – вздохнув с сожалением, констатировал Хлудов. – Запомни раз и навсегда, Сундучок: Человек есть кондом – вполне случайная и заменимая вещь.

– Эх! – обхватив руками голову, вздохнул Уздечкин.

– Ну? – попросил его объяснить Хлудов.

– Эх, Вова, если бы у меня была обезьяна, – мечтательно произнёс товарищ Уздечкин, упираясь пьяными глазами в блестящую пуговицу на мундире капитана в отставке Хлудова, на что тот снова вопросительно буркнул:

– Ну?

– Знаешь, что с ней случилось бы? – продолжал, игнорируя субординацию, прапорщик Уздечкин.

– И что? – опять в своей манере, человека вовсе не интересующего чужое мнение, с хрустом пережёвывая содержимое рта, пробубнил уже изрядно пьяный Хлудов.

– Она бы околела от смеха! – подвёл черту Уздечкин.

– Смех не геморрой, от него недохнут, и... – по-солдатски прямо, икнув, выложил Хлудов, а Уздечкин, не дослушав его, предложил тост:

– За бабу, которая перепрыгнула через ограду!

– Послушай, Сундук, о какой такой ядреной бабке ты сейчас здесь и тут мне втираешь? – выпив и не успев ещё закусить, довольно внятно промолвил Хлудов.

– О той бабке, которая перепрыгнула через ограду, – упрямо гнул своё прапорщик Уздечкин, мечтательно втянув толстую и короткую шею.

– А чего это она перепрыгнула через ограду? – заинтересовался, наконец, Хлудов, почёсывая запястье о свою двухдневную щетину, и наблюдая, как Уздечкин пьёт водку мелкими глотками.

– Дело в том, – выпив содержимое стакана, торжественно продолжал недавно разведённый и опустошённый судебными тяжбами Уздечкин, – что она, издали, заприметила своего старика. Он возвращался с мельницы. Старичок был совершенно пьян и совершенно гол. Ко всему ещё, – Уздечкин здесь состроил гримасу, – он был совершеннейшим подлецом, ибо пропил всё до ниточки. Но бабка та любила его всякого, – Уздечкин, сочувственно вздохнув, продолжил, – даже такого пьяного и голого, и побежала, перепрыгнув через ограду, навстречу, чтобы прикрыть его срамоту.

– Да, – промолвил Хлудов озадаченно, и закусил квашенной капустой, единственной закуской на столе, – теперь такой любви не встретить!

Но увидев, что Уздечкин сейчас заплачет, добавил:

– И что ты прицепился к бедному деду с бабкой. А я говорю тебе – успокойся, и пошли её на хрен редьку полоть!

– Ты меня понял? – спросил он, выпятив нижнюю губу, показывая, что тоже вот-вот заплачет. Но увидев, что от сочувствия Уздечкин ещё больше разомлел, Хлудов стукнул по столу кулаком и чтобы хоть как-то успокоить его и сказал:

– Что за хрень ты несёшь, Сундучок? Ты же защитник Родины, рожден, чтобы убивать и другим пакости строить, твою мать, а ты спустил штаны и всякую чушь несёшь. Ты лучше мотню распусти! Баба ж она и есть баба! Когда ты мужик – она баба. А когда ты, Митя, баба, извини, две бабы не уживаются в одной берлоге.

– Я не Сундучок, а Уздечкин, и я защитник Родины! – подняв указательный палец, выпалил прапорщик.

– Хрена ты защитник, – Хлудов, не воспринимая его доводов, презрительно посмотрел на него и добавил:

– Ты только с виду олицетворяешь защитника, а на самом деле ты и есть то, что надо защищать, – помолчав, добавил:

– «За нами Москва и Йошкар ала!» – ты это хоть понимаешь?!

– Понимаю, – сказал Уздечкин и повторил где-то услышанные и запавшие в душу слова, не обращая внимание на обвинения Хлудова, —».. душа человеческая стоит больше, чем все царства и все миры на этом долбанном свете!»

Хлудов сквозь смех ответил ему, мотая головой:

– Дурак, ты Сундучок! Ты что забыл, где живёшь?

– Нет, дай я, всё-таки, закончу, – поднял, протестуя, руки Уздечкин и продолжил:

– Понимаешь, женщина должна любить мужчину хоть немного больше, чем себя. Тогда мужчина способен ради своей женщины на подвиги, – через несколько секунд продолжил, мечтавший в юности о великих подвигах, Уздечкин. – А если она любит себя больше, чем своего мужчину, тогда ничего кроме сучьего лая не получится...

Обессиливший Уздечкин мотнул головой, как глупый вол, отгоняющий назойливых мух, и громко икнул.

– Если женщина не сдержана на язык, то есть, чрезмерно глупа, в рамки её можно поставить только одним, – Хлудов показал кулак, как довод своей правоты, – страхом!

– Нет, я её не бил! – мотнул головой Уздечкин.

– Врёшь! – отрезал Хлудов. – Я же видел, как ты раненных добивал, детишек, там старушек. Скотина ты трусливая! Бил ты её, это все знают! И правильно делал!

– Зуб даю, – дёрнул свой передний искусственный зуб Уздечкин и провёл большим пальцем по горлу.

Хлудов хихикнул:

– Ну, тогда терпи, терпило. Такую надо либо терпеть, как настоящий лошара, либо послать её на все четыре стороны.

– Пусть терпит другой! – не согласился с ним Уздечкин.

– Что же ты, идиот, тогда плачешься? – задал риторический вопрос Хлудов.

– А я её люблю! – произнёс Уздечкин утробно и истерично заплакал. Затем у него закатились глаза, он как-то неестественно дернулся, и в эту секунду у него изо рта вылетела жёлтая птичка и тут же лопнула. В воздухе плавали, искрящиеся под солнечным светом оконного проёма, жёлтые пёрышки, а, упавший, Уздечкин лежал, раскинув руки, и надрывно смеялся. У него из ушей повалил дым, быстро заполнивший комнату. Дым радужно перели-

вался. Запахло серой. А капитан Хлудов, потерявший из виду своего бывшего однополчанина, ничему не удивился, а только сурово произнёс:

– Уздечкин, ты дурак! И она дур—р—ра! – Хлудов, попробовав букву эр, тыльной стороной ладони вытер губы, – и прекрати свои дур—р—рацкие фокусы.

Дым понемногу рассеялся. Уздечкин, перестав смеяться, затрясся всем телом. Затем он вскочил и, сквозь кашель прокричав:

– Атас, духи! – разбежался и выпрыгнул в открытое окно. Но Хлудов и этому не удивился, он сидел, потупив свою тяжёлую капитанскую голову.

– Эх, Сундук чокнутый, не государственный ты человек, – сказал он ему вдогонку. – Для государственного человека интересы государства превыше совести, мать вашу! А ты – душа человеческая!? Какой, на хрен, человек? – он сплюнул и, выдержав театральную паузу, добавил, продолжая мысль Уздечкина: – А вот если бы у меня была обезьянка, я б её так любил... Я бы ухаживал за нею. Я бы уважал её, как никого на свете. Но у меня нет обезьянки и, видать, уже никогда не будет, – заключил он, и голова его медленно легла на край стола. – Идиоты! – пробормотал он еле слышно и скоро от его храпа задрожал старый задрипанный кухонный стол, в ящике которого лежали генеральские погоны, которые он когда-то в молодые годы, по случаю, купил на блошином рынке.

А в это время, в засаде, в щелях старого дивана сидел отряд клопов. Они дрожали от нетерпения и жажды крови. На одном из клопов вместе с дрожью тела дрожали и малюсенькие генеральские погоны. Он тоже был на государственной службе...

Входная дверь натужно скрипнула. – Ёлкин—Палкин! – послышался сказочно приятный, мелодичный женский голос. В дверях кухни появилась пьяная и фееричная в своём цветастом одеянии Галка, теперь уже бывшая жена Уздечкина. Она поморщилась и спросила:

– А чем это пахнет?

Не дождавшись ответа, она в сердцах бросила в спину храпящего Хлудова, голова которого лежала в тарелке с квашенной капустой:

– Нажрался скотина! Свинья!

Её невинные, огромные глаза никак не соответствовали не только её интонации, но и всему её вызывающему облику сердитой жадной самки. Она несколько раз хлопнула глазами, вздыбила свои груди и, скинув туфли, направилась в туалет.

Усинск. 1989 г.

До того, как взошло солнце...

Однажды мы подломили мастерскую по обшивке мебели. Нас было четверо: хитрец по кличке Рыжий, дурак и добряк по кличке Тун, злой бывший мент Кузьма и я – Мурый или же Мурзилкин Кот, как меня ещё, иногда, называли. Рыжий обещал приличный куш. Обыскали каждый закоулок мастерской, но денег не нашли. И все же, мы утащили три больших кресла в синих лютиках, какой-то невзрачный, но тяжелый станок, очень старую швейную машинку, дюжину фуражек-аэродромов и большую кипу книг. Добычу мы отволокли в неподалеку стоящий детский сад «Колокольчик», в котором Кузьма работал ночным сторожем. Станок и швейную машинку «Зингер» мы спрятали в тёмных лабиринтах подвала детского сада и приступили к делёжу остальной добычи прямо в фойе.

Рыжий, стал претендовать сразу на все кресла, объясняя своё желание предстоящей ему в скором времени женитьбой. Недавно его прогнала из дома жена, и теперь он жил у любовницы, но то, что он хочет на ней жениться, стало для меня большой новостью. Однако Рыжий не смог разжалобить остальных. Кузьма и Тун взяли себе по одному, оставив Рыжему всего одно кресло. Затем они уставились на меня, ожидая моего несогласия. Но я листал книгу и молчал. Большинство книг было не то на грузинском, не то на армянском языке. Было несколько старинных. Среди книг находилась и одна рукопись в, почерневшем по краям, алом переплете.

– Я забираю книги, – сказал я. Все посмотрели на меня как на свихнувшегося.

– Да ради бога, – сказал, ухмыляясь, хитрец.

Когда начали делить фуражки-аэродромы, выбирая их по размеру, подельники недоверчиво поглядывали на меня. Они выбрали себя по две фуражки разных цветов. Мне оставили все остальные, не подошедшие им по размеру.

– Забирай все, – протянул мне оставшиеся фуражки Рыжий. Он сделал честное лицо и, деланно заглядывая прямо в глаза, улыбнулся виновато. По большому счёту он был прав – я тащил на себе только мешок с фуражками и большую стопку книг в серой холщовой сумке. Правда, на первом заходе я помогал нести швейную машинку. На втором – они с самого начала просили меня оставить сумку с книгами и мешок с фуражками, но сказало моё упрямство. Но, сейчас моё несогласие могло подорвать их «наполеоновские планы». С другой же стороны, я должен был добиваться видимой справедливости, чтобы не уронить своё реноме.

– Ну, я пока не собираюсь жениться, – сказал я и, проявив непонятное для них благородство, покорно взял мешок с фуражками, чтобы не вызвать у рыжего подозрения – я почему-то был уверен, что эти книги очень ценные. Но он остался доволен. Остальные же на меня смотрели с удивлением, зная мой непокладистый характер.

– А что за книги? – любопытствовал Рыжий.

Я высыпал книги из сумки, выбрал небольшой томик Брюсова и протянул ему. Он её полистал и положил на стол. Затем он взял из кучи другую книгу.

– На армянском что ли? – рассмеялся он и, пролистав её, бросил обратно.

Чтобы отвлечь их, я сказал, что могу найти покупателя на станок, хотя по правде и не представлял, кому он может понадобиться.

– Да покупатель уже есть, – поспешил Рыжий и добавил, заранее себя оправдывая, – правда дорого не возьмёт.

– Брату что ли хочешь толкнуть? – догадался Кузьма-мент.

– С чего ты взял?

– А твой брат недавно спрашивал про «Зингер»! – с ехидцей ответил Кузьма.

Молчаливый Тун, не снимая с лица улыбку, округлив и без того круглые глаза, смотрел на Рыжего.

– Там видно будет, – подытожил хитрец, засовывая книгу в один из многочисленных карманов своей объёмной куртки. Он ожидал моей реакции.

– Это тоже возьми, – я протянул ему второй томик Брюсова, как бы одаривая и подчеркивая, что его телодвижения не прошли незамеченными. Ему ничего не оставалось, кроме как забрать протянутую книгу.

– Я люблю Бунина, – сказал он.

– Это Брюсов, – подсказал стоящий рядом Кузьма.

– А я что сказал? – удивился самому себя Рыжий и сунул второй томик в другой карман куртки.

– Надо разобрать кресла, так они в мой фургон не поместятся, – деловито шмыгнув носом, оглядывая кресла, сказал Тун.

Мы быстро разобрали кресла и сложили их. Получилось вполне компактно. Кузьма и Тун вдвоем вытащили разобранные кресла и мы остались с Рыжим вдвоем. Обычно он держался от меня подальше, но на этот раз решил пошутить. Он напялил одну из фуражек, из зеленого бархата, взял книгу с пышущей жаром страсти обнаженной женщиной на обложке и сказал, кривляясь и хихикая в рыжие усы:

– Теперь ты можешь каждый день менять фуражки, как штопанные носки, и читать, пока не приспичит жениться, по одной новой книжке на ночь.

Не успел он закончить предложение как получил под дых. Он отскочил, согнулся и присел на корточки. Я начал на него надвигаться. Я, конечно, знал, что он носит с собой нож, но и у него не было сомнений на счет моей проворности, поэтому он поднял руку, как бы загромождаясь от меня, и сказал:

– Я же пошутил!

Я посчитал, что мы поняли друг друга, хотя ни сколько не сомневался, что он мне, при случае, подстроит какую-нибудь бяку. Я забрал у него фуражку и книгу, и вернулся на место.

Когда Кузьма и Тун вернулись, Рыжий уже пришёл в себя.

– Слушай Мурый, пусть они сложат кресла в твоём гараже, – сказал он миролюбиво.

На самом деле гараж принадлежал моему соседу деду Панкрату. Он, наверное, уж давно забыл о ключе, который мне дал, ещё до того, как продал свой старый москвич. Он тогда уже сам не ездил и просил меня свозить свою жену-старушку на базар или магазин. Но его жена недавно покинула сей бранный мир, а сам он уже был плох, еле передвигался, и мне приходилось несчастного снабжать продуктами.

Я отцепил ключ от связки и бросил Туну.

– Бухло взять? – спросил, улыбаясь, Тун.

– Возьми, – сказал Рыжий к неудовольствию Кузьмы, но тот промолчал. Он действительно рисковал – жена Кузьмы, особа строгая и надменная, была заведующей детского сада, и работа сторожем была для него последним шансом вернуть хоть толику её потерянного доверия.

– Но у меня бабок нет, – чистосердечно признался Тун.

– Ладно, – сказал Рыжий, вытащил деньги и, протянув их Туну, сказал: – Но это в долг.

Мы все понимали, что это за долг. Когда долг накапливался, Рыжий приходил к Туну, и если тот не мог расплатиться, а именно так получалось всегда, пользовал её распутную сожительницу. Тун медлил, и ему пришёл на помощь Кузьма.

– Ты что, нам в долг даёшь на водку? – спросил он, ухмыляясь.

– Шучу, – ответил Рыжий.

– С нава вычтешь, – добавил я.

– Я же сказал, что пошутил, – настаивал Рыжий. – Не забудь острый кетчуп, – вразумил он Туна. Тот, наконец, взял деньги.

Рыжий прекрасно понимал, что наше предприятие было неудачным и вопросы к нему ещё возникнут. Кузьма посмотрел на меня, и я понял, о чем он думает. Слишком быстро и легко Рыжий расстался с деньгами, нужно было проверить его карманы.

Тем временем я пролистывал книги. Оказалось, что некоторые книги, действительно, были довольно старыми – 1864 года издания. Я полистал и рукопись, она была написана от руки очень красивым почерком, впрочем, тоже на непонятном языке. Но в конце рукописи я обнаружил приписку на русском языке.

Я начал её читать и обомлел:

– 2 часа 42 минуты Рыжий, Кузьма, Тун и Мурый обворовали цех по обшивке мебели. Унесли: 3 кресла, станок по изготовлению целофанновых пакетов из пластмассовых гранул, швейную машину «Зингер», 13 фуражек, текстильный материал по обшивке мебели...

«Что за чушь? – по привычке с иронией подумал я, – Что за приписка? Никакого материала там не было!»

Хотя я был шокирован и удивлен, но, все же, сообразил, что совсем не тому удивляюсь и испуганно закрыл рукопись. Когда я через несколько секунд открыл, набравшись храбрости, рукопись – уже не было никакой приписки.

– Слушай, – обратился я к Рыжему, – а там не было оббивочного материала?

– А я его запихнул внутрь станка, – похвастался Рыжий.

Я краем глаза, но так, чтобы он это заметил, разглядывал Рыжего.

Рыжий, чтобы не оставаться со мной один на один, вышел покурить. Вернулись Кузьма и Тун. Тун отдал мне ключ и отнес набитый пакет в сторожку, которая находилась сразу под лестницей. Появился и Рыжий.

– Ну, что, Кузя? – спросил он.

– На мази! – ответил Кузьма.

Рыжий хлопнул в ладоши и направился в сторожку.

– Ты проверил карманы? – спросил Кузьма, когда ушёл Рыжий.

– Не успел, – ответил я и протянул ему одну из книг, – кажется, они букинистические!

Он начал листать книгу.

– Посмотри год издания в конце книги, – подсказал я.

– Ни фиги себя! – удивился он, почесывая лысину. – Интересно, а сколько будет стоить?

– Не знаю, – коротко ответил я.

Появился сияющий Тун.

– Жрать подано! – объявил он.

Я сложил книги в сумку. Но потом передумал, вытащил рукопись и раскрыл. Там появилась новая запись:

– Рыжая крыса присвоила себе 100 тыс. 250 рублей 62 копейки!

Я забрал с собой рукопись и пошёл вслед за остальными.

Низкий журнальный столик уже был накрыт, водка разлита в пластмассовые стаканы. Куртка Рыжего висела на деревянной резной вешалке, стоящей позади Туна. Я не спешил снимать свою куртку.

Рыжий старался говорить ни о чем. Увидев инструменты на полках вдоль стены, он спросил:

– Ты ещё и плотничаешь?

– Я здесь не только охранник, я ещё и плотник, и электрик, и сантехник, – не без хвастовства ответил Кузьма.

– Да ко всему имеешь ещё и заведующую, – позлорадствовал Рыжий.

– Скорее это она меня имеет, – ответил беззлобно Кузьма.

– Где тут можно помыть руку? – спохватившись, спросил Рыжий.

– Выйдешь и сразу на право туалет, – подсказал ему Кузьма.

Когда Рыжий вышел, я снял свою куртку и пока вешал её, проверил карманы Рыжего. Кроме книг, складного ножа и какой-то мелочи, там ничего не было. Я, мотнув головой, дал знать Кузьме, что в карманах ничего нет.

Я незаметно раскрыл рукопись и мельком взглянул.

– Рыжий спрятал деньги в туалете, под умывальником.

Я показал головой Кузьме, чтобы он пошёл вслед на Рыжим. Когда он выходил, мне пришлось встать, чтобы пропустить его. И я шепнул ему на ухо:

– Под умывальником.

Через некоторое время вернулся Рыжий. Вслед за ним и Кузьма. Он дал мне понять, что ничего не нашёл.

– Пойду тоже помою руки, – сказал я и вышел. На ходу раскрыл рукопись и прочитал:

– Кузьма перепрятал деньги в раздевалке под шкафчиком с одуванчиком.

Не составило большого труда найти деньги, я, взвесив их на руках, и сунул в карман. Перед тем как зайти в сторожку, я снова раскрыл рукопись:

– Тун по просьбе Рыжего сделал слепок ключей от гаража. Тун рассказал Рыжему, что Мурый переспал с его любовницей, и теперь Рыжий хочет отомстить Мурому.

Что-то такое я уже подозревал.

Я захлопнул рукопись. У меня была одна, поддерживающая меня, привычка: когда мне становилось совсем скверно на душе, я вспоминал самое светлое, что у меня было в жизни – свою первую и единственную любовь – Свету Ислентьеву. Я представил её милое, улыбающееся лицо, раскрыл рукопись и прочитал:

– Пьяная секретарша директора фирмы «Разгуляй» Светлана Ислентьева находится в сауне «Матрена» вместе со своим начальником и его компаньоном.

Меня с порога Рыжий встретил словами, показывая на водку:

– Мы без тебя уже выпили.

Я выпил и со словами:

– Сюрприз! – бросил на стол пачку денег.

Все, молча, воззрились на стол.

– Откуда? – выдавил из себя Рыжий.

– Из под умывальника! – сказал я. – А может быть из под шкафчика с одуванчиком, – продолжал я, и, посмотрев на их ошарашенные лица, закончил: – Деньги были у меня в сумке.

Я бросил ключи Туна и сказал:

– Совершенно забыл, до вечера не должно быть в гараже кресел, я собираюсь продать гараж.

– Ты меня понял? – спросил я Туна. Тот сглотнул слюну и пробормотал:

– Всё понял!

– Смотрите, – сказал я, но это слово относилось уже ко всем.

У меня закололо в животе, и я спешно отправился в туалет. В туалете понуро горела старомодная лампочка. «Всё экономят!» – недовольно подумал я и раскрыл рукопись. На странице ничего не было. Но вдруг прямо на пустом листе рукописи обозначился горизонт и, медленно, увеличивая свой накал, вошло сияющее солнце, пока, наконец, не осветило все пространство вокруг необычайно ярким золотисто-белым светом. Я зажмурился, осторожно вырвал страницу из книги, сложил и положил во внутренний карман...

Проходя по фойе, я пнул ногой мешок, фуражки высыпались и, смешно подпрыгивая, раскатились по полу.

Когда я вышел на улицу, уже всходило настоящее солнце.

Черкесск. 2001 г.

Паук и Облако

На бывшем Тюрисском погосте, ныне посёлке Мартышкино, в доме бедного сказочника Оглоблина, а именно – в бывшей гостиной, которая ныне являлась ещё и спальней, над старым дубовым шифоньером, висело облако. Маленькое, весёлое и пушистое. А, напротив, в углу, над, выдавшим виды, потёртым кожаным креслом, приютился, среди тончайших хитросплетенной паутины, большущий паук по кличке Петя с крестом на волосатой спинке. Паук и Облачко были врагами. Облако подбиралось незаметно к пауку и, если тот не успевал убежать в щель на потолке, оно обволакивало паутину. Паутина от влаги провисала и отяжелевший паук, падал и висел на паутине, беспомощно выпучив глазища, как повесившийся пьяный сапожник. А паук в ответ не мог сделать ничего пакостного бесплотному духу облачка.

Вот и сейчас Оглоблин наблюдал за облачком, при этом, сочиняя сказку. Но облачко сегодня было почему-то не в духе и висело, немного потемнев. Сказка не шла, а паук дожилал вторую муху...

Оглоблин сидел на деревянном табурете за столом возле окна, и писал сказку о волшебной стране – Ингерманландии, о его жителях, о том, как их всех унёс на себе добрый дракон на землю обетованную... Хотя он, конечно, точно знал, что дракон никуда их и не уносил, а просто взял да, и проглотил. Всех: и живых и мёртвых, и больших и маленьких, и даже самых маленьких и беспомощных. Но детишкам-то зачем это было знать?

Оглоблин смотрел на облачко, сказка дальше не придумывалась. Превращать быль в сказку, было делом нелегким, но Оглоблин привык уже к своему ремеслу, и она приносила ему что-то похожее на удовлетворение...

Вместе с тем, облачко всё темнело и темнело и, наконец, превратилась в тучу. Оно медленно двинулось и остановилось над ним. И вдруг сверкнула молния над головой Оглоблина и облачко разразилось дождём. Дождь оросил Оглоблина, капли текли по его лицу, падали на его рукопись и буквы растекались в воде дождевой. Дождевая вода соединялась в один поток и падала на пол со стола водопадом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.